

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ПРОВИДИЦА/ПРОРОЧИЦА» В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭДДИЧЕСКОЙ ПЕСНИ «ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ»)

Калинин С. С.

Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений Военной
Академии материально-технического обеспечения

Лингвокультурный типаж представляет собой типизированный образ представителей той или иной культуры, совокупность которых образует данную культуру [3, с. 179]. Лингвокультурный типаж представляет собой концептуальную единицу, в которой можно выделить образную, понятийную и ценностную стороны [3, с. 180]. Как пишет В. И. Карасик, лингвокультурный типаж является по своей природе концептом «типизированный образ какого-либо лица» [3, с. 180].

Поскольку лингвокультурный типаж имеет образную и концептуальную природу, то на языковом уровне он объективируется с помощью т.н. дескриптивной лексики, т.е. лексики в которой ярко выражены образные и выразительные компоненты. Н. Д. Арутюнова характеризует такую лексику как «слова с портретным значением» [1, с. 253]. Понятие образа, с помощью которого на языковом уровне объективируется лингвокультурный типаж, тесно связано с понятием символа. Н. Д. Арутюнова пишет о том, что данные структуры находятся между собой в сложных системных отношениях, вступают между собой в «отношения стабилизации» [2, с. 313-314]. Образы являются элементами «промежуточного языка», т.е., ментального лексикона [4, с. 189]. Символы же не являются, по Ю. Н. Караулову, самостоятельной структурой знания, а порождаются на уже существующем элементе ментального лексикона, например, на образе или на знаке [4, с. 202-203].

На языковом уровне вербализации лингвокультурного типажа, очевидно, содержат набор сем, определяющих семантическое содержание

лингвокультурного типажа. Семы же, в свою очередь, подразделяются на ядерные и периферические. Ядерные семы являются основными, они определяют главные значения лингвокультурного типажа. Периферические же семы определяют его дополнительные коннотации. В свою очередь, семы состоят из более мелких единиц – языковых генов [6, с. 15-16], определяющих семантико-семиотическую структуру лексемы, объективирующей лингвокультурный типаж. Языковые гены на формальном уровне не выделяются, но их можно обнаружить при помощи специальных формул и методов (более подробно см. работу [6]).

Особенностью диахронных лингвокультурных типажей заключается в том, что их структура содержит несколько синкретично слитых между собой концептуальных смыслов. Так, в лингвокультурном типаже «маг-провидец», к которому относится образ верховного бога древних германцев Одина-Вотана, оказываются слиты несколько сем – это «маг», «провидец», «культурный герой», «трикстер». В рассматриваемом нами лингвокультурном типаже пророчицы-вёльвы синкретично слиты несколько концептуальных смыслов: это и «провидица/пророчица», и «бессмертное существо». Каждое значение неразрывно связано с каждым, их невозможно отделить одно от другого без потери для смысла.

Рассмотрим более подробно лингвокультурный типаж провидицы-вёльвы. Это бессмертная провидица, которая была пробуждена от вечного сна в царстве мертвых Одином – верховным богом древних германцев. Один хотел узнать от вёльвы судьбы богов и судьбы мира, вёльва же рассказывает ему об этом, о том, что она помнит со времен зарождения мира. Примечательно, что пророчица говорит о себе то в первом («я вижу», «я помню») лице, то в третьем («помнит она», «сквозь все миры взор ее проникал»).

Вельва помнит еще рождение мира и время, когда Мировое Древо Иггдрасиль (в оригинале – «древо предела», *mjötvið*) еще не проросло, т.е., самое начало мира, его возникновение. В мифом мире древних германцев тогда не было ни пространства, ни времени, поскольку Мировое Древо является

началом и пространственных, и временных координат древнегерманского мифопоэтического мира [8, с. 33-34]. Вельва помнит также и самых древних существ древнегерманской мифологии – великанов-йотунов, «рожденных до века». Соответственно, в оригинале данная строка «Прорицания вельвы» звучит как: «Ek man jötna ár of borna». Вельва также упоминает о том, что в те «давние годы» великаны породили и ее: «þá er forðum mik fædda höfðu». Но сама вельва по происхождению не является великаном. Способности и умения вельвы схожи, скорее, с тем, что умеют боги. К примеру, об Одине из песни «Речи Высокого» известно, что он практиковал руническую магию (собственно, он сам и является творцом рун и рунических заклинаний), из песни «Перебранка Локи» о нем известно, что он занимался колдовством среди людей. Вельва вовсе не похожа на воплощающих стихийные силы природы великанов, которые в большинстве случаев враждебны богам. О борьбе с ними повествуется во многих песнях «Старшей Эдды».

В то же время вельва не принадлежит ни к роду асов, ни к роду ванов. В «Прорицании вельвы» подчеркивается дистанция между ней и богами, поскольку даже Одину с его многочисленными знаниями и умениями приходится обращаться к ней. Именно от нее Один узнает о грядущей гибели мира и о его последующем возрождении. Вельва даже помнит времена, когда не существовало богов, и был единый великан-первочеловек Имир: «В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря...» (в оригинале, соответственно – «Ár var alda, þar er ekki var, vara sandr né sær né svalar unnir...»). В этом отношении вельва много древнее и могущественнее богов, поскольку помнит времена изначального хаоса, времена, когда не было материального мира, а существовала только лишь мировая бездна Гиннугагап (в оригинале – «gar var ginnunga», буквальный перевод этой фразы – «бездна разверзлась»). Вельва знает также и о Рагнареке – «сумерках богов», гибели и последующем возрождении мира. Вельва, как и несколько младших богов (Видар, Вали, Бальдр и др.), переживет Рагнарек и увидит обновленный мир, о чем она, собственно, и рассказывает Одину.

Образ вельвы, следовательно, во многих отношениях схож с образами богов (умение гадать, предсказывать судьбы, владение магией), но, как бы это парадоксально ни звучало, собственно божеством не является. Достаточно долгое время ее жизни (от первоначального хаоса и зарождения мира до его гибели и последующего возрождения, причем, как было уже указано выше, сама вельва во время гибели мира не погибает) позволяет ее отнести к лингвокультурному типу «бессмертное существо». Вельва выступает также своеобразной, образно выражаясь, «хранительницей времени», которая связует между собой все времена и эпохи древнегерманского мифомира. Вельва также выступает и существом, которое «хранит пространство» древнегерманского Космоса, поскольку ее образ тесно связан с образом Мирового Древа и его возникновением. Вельва также помнит то время, когда из первоначального Хаоса зародился Космос, а именно, тот момент, когда боги («сыны Бури, Мидгард создавшие», в оригинале – «Burs synir... Miðgarð mæran skóru») убили великана Имира и из его тела создали земной мир – Мидгард. Таким образом, вельва выступает как существо, которое объединяет время и пространство древнегерманского Космоса в единое целое. Интересно, что вельва находится в нижней трети древнегерманского мифопоэтического ландшафта, у корней Мирового Древа, там, где располагается царство мертвых Хель или Хелхейм. Эта связь подчеркивает связь вельвы со смертью, поскольку вельва сама спит вечным сном в царстве мертвых, а Один ее пробуждает от этого сна. Вместе с тем семантика смерти может быть связана с семантикой смерти и последующего перерождения. В связи с этим интересно вспомнить о т.н. «умирающих и воскресающих божествах». Вероятно, что вельва относится именно к такой группе божеств или полубожеств или когда-то относилась к ним. Интересно также упомянуть о наблюдении М. М. Маковского, который пишет о том, что «в древности женщина символизировалась зерном» [7, с. 143]. Зерно попадает в землю (т.е., символически умирает), но затем прорастает и дает всходы, т.е., воскресаet. Возможно, что именно при участии творящей силы и энергии вельвы

(вспомним, что вельва – женщина, а женщина у древних германцев считалась вместилищем творящей энергии и силы [7, с. 144]) мир вообще смог зародиться. Таким образом, семантика провидения, предсказания будущего и семантика смерти относятся к ядерным семам в структуре данного лингвокультурного типажа.

Вообще же говоря, у древних индоевропейцев семантика смерти соотносилась с семантикой огня (и.-евр. **dau-* «гореть» [7, с. 532]), поскольку покойников сжигали на погребальном костре. В этом отношении интересен семантический и культурологический ряд, относящийся к образу вельвы: это и провидица, и божество, связанное со смертью, но в то же время соотносящееся с огненной стихией как женский образ (типологически ср. да. *ides*, двн. *idis* «женщина», но да. *ád* «костер» [5, с. 92]). Таким образом, здесь мы видим реализацию концептуальной метафоры «женщина – огненная стихия».

На языковом уровне вербализация *völva* восходит к праиндоевропейскому корню **uel-*, который означает «видеть» [9]. Таким образом, внутреннюю форму имени вельвы можно представить как «видящая», «зрящая», что связано напрямую с ее мифологическими функциями. В то же время данную вербализацию можно соотнести к индоевропейским корнем **uel-*, значение которого можно перевести как «смерть» [9]. О связи семантики смерти с типажом вельвы-прорицательницы уже упоминалось выше. Интересно также наблюдение о том, что с данным корнем соотносятся имена славянского бога Велеса и балтского Велняса. В славянской мифологии Велес был хозяином мира мертвых, если брать шире, то хозяином Нави. Велняс у балтов выполнял примерно те же функции, он являлся хозяином мира мертвых, который, по их мифологическим воззрениям, находился под землей.

Сама номинация *völva* соотносится с генетической формулой «вокалическое ядро + l» [6, с. 146], с которой также соотносится большой пласт индоевропейской лексики. В частности, с этой формулой соотносятся

да. ælan «гореть», «пылать», санскр. alātam «угольки» [6, с. 146]. Это в очередной раз подтверждает то, что в древности у индоевропейцев женский образ соотносился с огненной стихией.

Таким образом, в данной работе мы попытались охарактеризовать лингвокультурный типаж «провидица/пророчица» из древнегерманской лингвокультуры. Этот типаж многослоен и многопланов. С одной стороны отдельными своими деталями он напоминает образы богов древнегерманского пантеона, с другой стороны – приобретает новые функции (например, хранительница времени) и свойства, которые не могли быть присущи эддическим божествам. С другой стороны, как и божества «Старшей Эдды», данный образ связан со сферами магии, гадания и предсказаний. Изучая лингвокультурные типажы, можно глубже проникнуть в ментальность народа, в нашем случае древних германцев, и узнать, чем жили эти люди, каким они видели и воспринимали мир.

Список литературы:

1. Арутюнова, Н. Д. Синтаксические функции метафоры [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Том 37. - № 3. – С. 251-262.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. – 895 с
3. Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 8-е [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 264 с.
5. Маковский, М. М. Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков. Изд. 3-е [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 200 с.

6. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
7. Маковский, М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Азбуковник, 2004. – 632 с.
8. Топорова, Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира [Текст] / Т. В. Топорова. – М.: Радикс, 1994. – 192 с.
9. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnghu.org/indoeuropean.html>